
**К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ
Р. Д. ОРЛОВОЙ «ДРАМАТУРГИЯ САРОЯНА»**

НАТАЛИЯ ГОНЧАР

В 1935 году – на волне шумного успеха первой своей книги (“The Daring Young Man on the Flying Trapeze”), вышедшей в 1934-ом, – молодой, но уже снискавший признание в США Уильям Сароян совершил поездку в Европу, а затем в СССР – в Москву и, конечно же, в Ереван, означавший для него «родину предков» (“old country”).

К приехавшему в СССР американскому писателю (к тому же еще и армянского происхождения, скажем проще – армянину) проявил интерес издававшийся в то время (1933-1943) журнал «Интернациональная литература», на страницах которого печатались произведения современных зарубежных писателей, рассматриваемых, по тем или иным признакам, как симпатизирующие СССР, – среди них, например, и такие, как Дж.Оруэлл и Хемингуэй, Андре Моруа, Луиджи Пиранделло и др. По-видимому, само желание Сарояна приехать в СССР воспринято было как проявление интереса, симпатии, а еще и в ряде рассказов первого его сборника отразились атмосфера и настроения периода американской Великой Депрессии, так что у журнала были достаточные основания познакомить советского читателя с Сарояном. И, как говорится, с пылу с жару – в том же 1935 году – «Интернациональная литература» поместила в № 10 сарояновскую «Автобиографию», а в №12 – заглавный рассказ его сборника («Бесстрашный юнец на трапеции», в переводе И.Романовича). В дальнейшем интереса со стороны журнала к произведениям Сарояна не стало, как и не стало самого журнала, двое из редакторов которого – писатель Бруно Ясенский и сменивший его шекспировед Сергей Динамов – были, и это заметим, обвинены в контрреволюционной деятельности и в 1938-1939 гг. расстреляны.

Спустя немало времени, в 1948-1949 гг., Сароян и его произведения вновь очутились в поле внимания советской литературной периодики – на сей раз в черед ругательных статей. Его, уже завоевавшего широкую известность, крупного писателя (удостоенного высокопрестижных литературных премий), сотнями своих рассказов, повестями, романом, десятками пьес представляющего в мире американскую литературу, теперь, не стесняясь в выражениях, шельмовали как представителя «темных сил реакции», погружающего американское общество в «болото

благотворных иллюзий», подсовывающего ему «литературную гниль», как «архиреакционера», «декадентскаястряпня» которого «порождена холодным расчетом литературного поденщика, находящегося в услужении у фашизирующей американской буржуазии»¹. В таком вот искаженном, отвращающем читателей страны, преподнесении и оставался бы Сароян (да и не он один из выдающихся зарубежных писателей), если бы спустя еще сколько-то лет не повеяло «оттепелью» и не наметилась бы возможность пошире и поспокойнее приоткрыть своим читателям «окно» в окружающий мир литературы, в богатое и сложное общечеловеческое поле духовных, нравственных, идейных и художественных исканий.

Одним из первопроходцев на пути к вновь и заново узнаваемому разностороннему миру, в частности, современной американской литературы была Раиса Орлова – литературовед-американист, критик, переводчик, писательница – имя, вместе с именем ее мужа Льва Копелева, оставившее очень заметный свой след в истории как литературной, так и общественной жизни страны и до «оттепели», и в «оттепель», и в сменившие ее уже с середины 1960-х суровые к инакомыслию годы «заморозков»². Подтверждением этому не только многое, написанное ими как литературоведами, но и рассказанное в мемуарных их книгах (см. ниже примечание).

Литературовед, критик Андрей Немзер в статье «Но кто мы и откуда» (к 90-летию Раисы Орловой) пишет о ней: «Орлова была хозяйкой открытого – свободного – дома, дома, который был по-настоящему своим для многих писателей и художников,

¹ Этими и подобными ярлыками облеплены У.Сароян и его творчество в статьях **М.Морозова** «Иллюзии и горькая правда» («Лит.газета», 1948, 25 февр.), **М.Мендельсона** «Декадент-утешитель» («Лит.газета», 1949, 5 янв.), **Д.Заславского** «Литературная гниль» («Новое время», 1949, №13).

² В этой связи см. (вернее, читай) рассказанное в кн.: **Раиса Орлова, Лев Копелев**. Мы жили в Москве. 1956-1980. М., «Книга», 1990. Критик Сергей Чупринин помещенному здесь своему послесловию дал красноречивый заголовок «До звезды», отсылающий к стихотворению Пушкина «Свободы сеятель пустынный, / Я вышел рано, до звезды...». «Помню, – пишет С.Чупринин, – как глубокой, глухой осенью 1980 года Раису Давыдовну Орлову и Льва Зиновьевича Копелева провожали за рубеж – для чтения лекций в западногерманских университетах, по самому что ни на есть официальному приглашению (исходившему от дружившего с ними Генриха Белля – *H.G.*), с самыми что ни на есть официальными гарантиями. /.../ Р.Д.Орлову и Л.З.Копелева ровно через два месяца лишили советского гражданства... Их голос если и доходил до соотечественников, то лишь по каналам «тамиздата»... Державе они больше не были нужны. Ни Лев Копелев – в прошлом боевой офицер, ветеран Великой Отечественной войны, затем узник ГУЛАГа и наконец писатель, критик, ученый-германист... Ни Раиса Орлова, сначала сотрудница ВОКСа и журнала «Иностранная литература», а позднее тоже писательница, одна из авторитетнейших исследовательниц классической и современной американской литературы» (с.431). Книгу «Мы жили в Москве» критик определяет как «исторический памятник», в котором авторам «удалось соединить достоинства страстной исповеди с достоинствами бесстрастного, абсолютно достоверного летописного документа /.../ нарисовать едва ли не самую в нашей литературе детальную картину того, как и чем жила российская интеллигенция в пятидесятые, шестидесятые, семидесятые годы XX века» (с.434). См. также: **Р.Орлова**. Воспоминания о непростедшем времени/1962-1981. М., «Слово», 1993 (то же «Ex libris», 1993).

правозащитников и диссидентов, правдолюбцев из провинции и властителей дум с мировой известностью, «отцов» и «детей». Дабы держать и вести такой дом, необходимы были и смелость, и внутренняя твердость, и отзывчивость, и душевная щедрость. Та самая щедрость, что движет просветителем-гуманитарием, который не может не рассказать о захватившей его книге или картине, что равно противостоит полицейскому «запретительству» и высокомерному снобизму. Наделенная даром восхищения, Раиса Орлова, кажется, не могла таить обретаемые духовные богатства при себе. Дом и мир не были для нее антонимами: отсюда азарт работ об американской литературе, отсюда любовь к публичным лекциям (от которых «сомнительная» Р.Д. была безжалостно отрешена), отсюда борьба за превращение рукописей в книги и энергичное распространение самиздата»³.

С появлением в 1955 году журнала «Иностранная литература», работая в его редакции, Орлова и контактами, и статьями своими последовательно стремилась расширить «круг общения» с крупнейшими американскими писателями, способствовать в своей стране продвижению их произведений в «круг чтения». Отметим, например, что свою «пропускную» роль для помещения в «Иностранной литературе», а затем и отдельных изданий произведений Фолкнера и Стейнбека играют такие статьи, как «Мифы и правда американского юга (Заметки о творчестве Фолкнера)» Р.Орловой и Л.Копелева⁴ и «Деньги против человечности (Заметки о творчестве Джона Стейнбеке)»⁵ Р.Орловой.

После эпизодического промелька Уильяма Сарояна в 1935-ом и решительно «закрывших» его для советского читателя статей сороковых годов инициатором нового знакомства с ним, чутким, умело страхующим проводником к этому писателю, к его прозе и драматургии с 1958-го года становится именно Раиса Орлова. Ее инициативу можно усматривать, во-первых, за тем, что журнал «Иностранная литература» уже в 1956-ом и затем в 1958-ом обращается к Сарояну с просьбой ответить на анкеты: «О состоянии современной драматургии» («ИЛ», 1956, №2, с. 280) и «Международная анкета “ИЛ”» (1958, №3, с.227). Во втором ответе, рассказав о книге, которую он в это время пишет («Фифти-фифти»), о том, по каким соображениям и как он ее пишет, Сароян говорит: «Как только «Фифти-фифти» будет закончена и подготовлена к печати, я надеюсь

³ www.ruthenia.ru/nemzer/orlova.html

⁴ См.: «Иностранная литература», 1958, №3, с.206-220. Обратим внимание, что в этой статье авторы сумели вовлечь читателя в уникальный художественный мир прозы нобелевского лауреата (1949) Уильяма Фолкнера, его «Йокнапатофской саги» (раскрывая сюжеты, знакомя с персонажами, оценивая мастерство), при этом первая «робкая» книжка Фолкнера «Семь рассказов» появилась в 1958-ом, затем – «Поджигатель. Рассказы» в 1959-ом, роман «Особняк» в №9 «ИЛ» за 1961 год (с продолжением), а вся «трилогия о Сноупсах» («Деревушка», «Город», «Особняк») вышла в изд. «Худ. лит.» только в 1964, 1965 гг.

⁵ См.: «Иностранная литература», 1962, №3.

предпринять путешествие в Европу и в СССР, где я побывал в 1935 году и куда я хочу поехать вновь». Во-вторых, Орлова своим, в соавторстве с Копелевым, написанным **предисловием** – основательным, по тем временам должным образом продуманным и при этом с тонкостью и с теплотой представляющим писателя, – благоприствует изданию в 1958 году первой русской книги его рассказов («60 миль в час», в составе книги 18 рассказов). Вскоре, в том же году, выходит и повесть «Человеческая комедия»⁶, а спустя год (в 1959-ом) подстрахованный на сей раз **послесловием** Орловой роман «Приключения Весли Джексона»⁷. Примечательно, что в это послесловие Орлова вкрапывает и несколько строк о «недавнем» (в 1958 году – *Н.Г.*) приезде Сарояна в СССР, о своем знакомстве, общении с самим автором романа: «Мы знали Вильяма Сарояна по его книгам. Недавно он побывал в СССР, и мы познакомились с автором, удивительно похожим на своих героев. «Я очень хочу писать все лучше и лучше» – вот о чем он мечтает, вот о чем он говорил советским писателям, критикам, переводчикам, с которыми встретился во время своего краткого пребывания в Москве. Тогда же он сказал, что очень любит свою давно уже опубликованную военную книгу «Приключения Весли Джексона»» (с.307). Позднее, в очерке, к которому обратимся ниже, о Сарояне будет сказано:

«Я видела его в 1958 году, во время его краткого пребывания в СССР. Он – открытый, радушный, доброжелательный человек, как-то по-детски убежденный в том, что он и есть центр солнечной системы. Сароян до удивления похож на героев своих книг. Что бы он ни писал – рассказ, роман, драмы, – по существу, все его творчество – это нескончаемое повествование о себе самом /.../ разные перевоплощения и разные этапы биографии Уильяма Сарояна.

Автобиография была /.../ одним из главных источников романа как жанра; теперь она снова, как бы измененной и обогащенной, входит в литературу. /.../ Думается, что в этом жанре есть одна общая особенность – и для русской, и для американской, и для любой литературы мира: этот жанр необыкновенно интересен тогда, когда это рассказ о времени и о себе. И когда лирическое “я” – личность богатая, многогранная, вобравшая в себя время. Нескончаемая повесть Сарояна о себе, несомненно, очень искренна, подкупает достоверностью, той неповторимостью интонации, которая подчас более властно, чем факты, убеждает читателя – так это было на сарояновской земле» (с.147).

Здесь, как и вообще, Орлова улавливает в образе и творчестве писателя главное – то, в чем состоит сила и привлекательность его как художника. Пусть и последуют, как положено, оговорки относительно нехватки

⁶ Вильям Сароян. Человеческая комедия. // Предисловие Н. Ветошкиной. М., 1958.

⁷ Данные этих и др. текстов Р.Орловой по Сарояну см. в прим. ¹¹ М.Гудкова на с. 27

«общественного бытия» и «размышлений об эпохе», на переднем плане уже – акцентированные *искренность, достоверность, неповторимость интонации*, которая властно убеждает, а уж при таких качествах личности, писателя, художника очевидно, что в произведениях его неминуемо, – хоть и не напрямую, не в «размышлениях», но по-особому (по-художнически) замечательно, – находит свое отражение «эпоха», и «место», и «время» повествующего «о себе».

Отметим и то, что, по прочтении ею вышедшей в свет новой книги Сарояна («Here Comes There Goes You Know Who. An Autobiography». Simon and Shuster. NY, 1961), Орлова познакомила с ней читателей журнала «Иностранная литература» в рецензии под названием «Ирония и горечь» (1962, №10), в основных чертах осветив эту, на ее взгляд, «пожалуй, наиболее горькую из книг Сарояна», «горькую» среди других причин и по той, что «подобно многим американским писателям, Сароян видит, как стандартизованное, механизированное общество застревает «единичность» и «единственность» личности». Завершалась рецензия так: «Новая книга Сарояна – любопытна и позволяет вернее и кое в чем глубже судить об этом интересном писателе. Книга характерна и для настроений, присущих сегодня и другим американским писателям: страстные, напряженные поиски причастности, поиски самого себя, стремление ответить на вопрос «кто я такой?»» (с.259).

Сегодня Сароян уже классик литературы XX века, 100-летие которого в 2008-ом широко отмечалось под эгидой Юнеско, его читают, о нем пишут на многих языках, десятки его произведений в переводах на русский изданы, издаются вновь и новые, с предисловиями, послесловиями и вовсе без таковых, на русском о нем написаны десятки статей и даже три монографии⁸, на сценах нескольких театров ставились его пьесы, по мотивам его романа «Что-то смешное» снят фильм А.Звягинцева «Изгнание», получивший одну из главных наград на Каннском кинофестивале 2007 года. Миновали обстоятельства места и времени, когда Сарояна надо было «пробивать», а чтобы «пробить», от пробивающих требовалась определенная «пропускная» дань, не свободна была от нее и Раиса Орлова, о чем сама она и пишет:

«Книги Сент-Экзюпери и Сэлинджера нелегко пробивались сквозь железный занавес. Опубликовать «Над пропастью во ржи» редакция «Иностранной литературы» решила только с послесловием известной советской писательницы Веры Пановой. И когда она уже написала, от нее потребовали дополнительно вставить хотя бы несколько фраз, осуждающих аморальность героя и авторскую склонность к декадансу.

⁸ Гончар Н. А. Вильям Сароян и его рассказы. Ер., изд. ЕГУ, 1976; Зверев А.М. Грустный солнечный мир Сарояна. Ер., «Советакан грох», 1982; Саноян Р. Загадка великого битлисца. Ер., «Зангак», 1998.

Такие «пропуска» еще долго были необходимы для того, чтобы напечатать в журнале или издать книгой произведения зарубежных писателей, такую «цензурно-таможенную пошлину» приходилось платить многим нашим коллегам.

На первых порах и сами авторы предисловий, послесловий, врезок и комментариев обычно верили в свои рассуждения об «известной ограниченности», «внутренних противоречиях мировоззрения», «некоторых ошибочных представлениях» и т.д. писателей, которых они полюбили и хотели ввести в русскую литературную жизнь. Именно так поступали и мы, когда писали о Сарояне, Ремарке, Хемингуэе, Фолкнере, Кафке, Деблине, Ванчуре и др. Постепенно мы и многие наши коллеги освобождались от дурного наследия марксистского критического всезнайства, от привычки уступать редакторам. И тогда началось и стало углубляться расслоение: одни продолжали, скрипя зубами, платить пошлину, другие либо отказывались участвовать в таких изданиях, либо все же добивались изданий без идеологических пошлин. Нам это стало удаваться. Однако вскоре наши работы вообще перестали публиковать»⁹.

Перестали публиковать в связи с их (Орловой и Копелева) правозащитной активностью, свободой в мышлении и поведении, в контактах, поступках, высказываниях – в их «инакости». «Опала» закончилась «изгнанием»¹⁰.

Но в 1964-ом, на исходе «оттепели», еще успела выйти в свет книга Раисы Орловой «Потомки Гекльберри Финна. Очерки современной американской литературы», в составе же этой книги – большой «очерк», в новой, существенно пополненной композиции (в частности, с обращениями к драматургии Сарояна) вобравший в себя и что-то из ранее высказанного, – дающий, по сути, многогранный творческий портрет Сарояна, во многих чертах очень зорко, вдумчиво и очень верно схваченный.

Отдельный интерес представляет встроившаяся в очерк страница, которая, с одной стороны, зачинает в нем разговор и о драматургии Сарояна, а с другой – фиксирует первое личное знакомство с Арменией и армянами Орловой – критика, уже подчеркивавшего, что «жизнь, темы и герои его (Сарояна – *Н.Г.*) произведений, самый дух и стиль его творчества неразрывно связаны с традициями, нравами, поэзией армянского народа», что в сарояновских книгах «в самой гуще вполне американского стандартизованного, трезвого и практичного мира» проступает и «совсем иной мир восточной мечтательности: густой аромат медлительной и страстной, наивной и насмешливой, печальной и мудрой

⁹ Р. Орлова, Л. Копелев. Мы жили в Москве, с.134.

¹⁰ См. об этом подробно в кн. «Мы жили в Москве».

поэзии древнего и вечно юного армянского народа»¹¹.

В 1961 году приехавшая в Ереван (с чтением лекций) Раиса Орлова смотрит здесь спектакль (первый в Советском Союзе) по пьесе Сарояна «В горах мое сердце», которая ей хорошо знакома, как и вообще произведения Сарояна. О своих впечатлениях она пишет:

«Актеры драматического театра им.Сундукяна, – и прежде всего Ваграм Папазян, исполнитель роли Мак-Грегора, – сумели удивительно верно передать поэтическую основу пьесы – дух товарищества, связей, взаимопомощи. Снова здесь возникает и утешительная сказка – лавочник платит за ненапечатанные стихи и умиляется судьбе незадачливого писателя. И здесь же – не просто переданная, но и обогащенная театром высшая правда, выраженная средствами лирической поэзии, правда добра и красоты человеческой души. Яснее всего эта правда проступает в теме искусства.

Мак-Грегор – глубокий старик, бывший актер, убежавший из богадельни, – поет, играет – и чудодейственно преображаются люди вокруг. Они не только слушают, испытывают воздействие искусства. Они участвуют в его создании. В каждом человеке, в каждой душе живет артистическая струнка, и это не просто скрытые способности певца, актера, поэта, а стремление разбить скорлупу узкого, частного, мелочного существования, Люди сближаются, ощущают истинное братство, разрушаются стены одиночества.

Так на сцене. А за дверьми театра – Армения, которая кажется неправдоподобно нарядной и красочной на полотнах Сарьяна, а в действительности – еще наряднее, еще красочнее. И люди – радушные, открытые, гостеприимные, как бы подтверждающие: есть на земле Мак-Грегора, есть благородство, доброта, поэзия» (с.129-130).

Как не заметить «посыл», звучащий в этих энергичных, эмоционально приподнятых строках, и как не понять всю его искренность и естественность, соотнеся, особенно, со сказанным А.Немзером (в вышеприведенном фрагменте) о Раисе Орловой – о ее «даре восхищения», отзывчивости, душевной щедрости, о хозяйке привечающего, поддерживающего, сближающего людей «открытого, свободного дома»...

Вторая поездка Орловой (и Копелева) в Армению, в Ереван состоялась в 1969-ом, когда их уже лишили доступа в печать, но еще не окончательно лишили возможности читать «просветительские» лекции о творчестве тех или иных зарубежных писателей (Орлова – американских, Копелев – немецких). Об этой, как и о первой их поездке, есть страницы в книге «Мы жили в Москве», которые, как нам кажется, стоит прочесть здесь (в сокращении):

« /.../ мы уезжали в Армению. Нас обоих еще зимой пригласили

¹¹ Р. Орлова. Добрый утешитель. – В указ. соч. («Потомки...»), с.124.

Ереванский университет и Институт иностранных языков прочитать по циклу лекций. В Москве нас тогда уже никто не приглашал. Но в другие города и республики московские «черные» списки доходили, к счастью, не сразу. /.../ Двадцать второго октября мы сели в поезд. И я оглядывалась: кто из наших попутчиков, кто из соседей по купе к нам приставлен, кто из них подойдет завтра с ордером на арест? /.../ Мы почти не сомневались, что Л., а скорее, и нам обоим, лекций читать не придется. На перроне в Ереване нас встречали две женщины с цветами. – Приветствуем вас! Как доехали? Но мы должны извиниться, нам самим неприятно... – Мы переглядываемся, все ясно... – ... расписание так составлено, что ваши первые лекции начнутся через сорок минут, мы успеем только отвезти чемоданы в гостиницу, а пообедать вам придется позже. Извините...

В Ереване, кроме лекций, мы оба ходили в театры, в музеи, на концерты органной музыки, в Эчмиадзине слушали проповедь католикоса Вазгена, осматривали средневековый храм Гегард и развалины Гарни. И в последний раз мы видели Мартироса Сарьяна.

Мы познакомились с ним, когда были в Ереване в 1961 году. Тогда его младший сын Сарик – он учился вместе с Р. (Орловой – *Н.Г.*) в аспирантуре – привел нас в мастерскую отца. Тот встретил нас очень приветливо, долго показывал старые и новые картины. Из дальней комнаты принес самую первую, которую выставлял еще в XIX веке, когда учился в Петербурге, – «Пасека» – буро-желтые улыбки на густо-зеленой траве. Никаких примет Армении. /.../ Зато в картинах последующих периодов /.../ все гуще, все горячее расцветка земли и неба, одежд и зданий, все резче светотени и все чаще проступают очертания гор, все явственнее жаркие, пряные лучи левантинского, закавказского солнца. В большой, высокооконной, светлой мастерской ликующе яркие полотна, казалось, усиливают освещение. /.../ Старый мастер становился все более оживленным, жена принесла вино, он говорил, что, конечно, многому научился в Петербурге, в Париже, в Стамбуле, но по-настоящему нашел себя только на родине, в этой долине, откуда виден Арарат, а вокруг армянские горы, армянские краски, армянская речь.

/.../ Два года спустя Сарик погиб в автомобильной катастрофе. В этот приезд в шестьдесят девятом году нам трудно было решиться пойти к родителям, нашим приходом напоминая им о горе. Но нам позвонили: мастер знает, что вы здесь, и будет рад вас видеть.

Сарьян очень одряхлел. Они с женой сидели у телевизора. Оживился, когда речь зашла о Сахарове, вспомнил Мандельштама, написал свой альбом в подарок Надежде Яковлевне.

Через неделю мы переехали в гостиницу физиков. Туда нас перевезла Марина, жена Артема Исаковича Алиханяна, членкора Академии наук (имеется в виду АН СССР – *Н. Г.*), директора Института

физики. Он приехал из Москвы с печальными вестями: Корней Иванович Чуковский умер, а в Рязани, говорят, Александра Солженицына исключили из Союза писателей.

/.../ В первый же вечер Алиханян сказал нам: «Вам в Москву возвращаться опасно. Исключили его, теперь исключат вас. Сейчас идет закручивание гаек. В таких случаях, это уж я точно знаю, надо переждать, надо смыться¹². У меня в горах есть маленькая станция. Мы наблюдаем космические излучения. Там всего несколько человек, надежные ребята. Запасы продуктов на много лет. Хорошая библиотека, стереопроектор, отличные пластики. Мы вас сейчас туда отвезем, никто ничего и знать не будет. /.../ Соблазн был велик: высокогорная зимовка, идеальные условия, чтобы писать – и вместе, и порознь. Но как оторваться от родных, от друзей? Нет, мы не хотели, не могли так укрываться».

По предложению Алиханяна Орлова читала в клубе физиков лекцию о Хемингуэе, а Копелев – доклад «Франц Кафка и современные течения в западной литературе». Он показал гостям (пригласив и Сильву Капутикян) свой институт, свой синхрофазотрон, «водил по огромным помещениям, куда вход был строгойше воспрещен». Алиханян им «рассказывал о молодости, когда дружил с «Дау» (Ландау), о дружбе с Шостаковичем, с Растроповичем, о своей любви к музыке, литературе /.../ Он и впрямь был умен, деловит, разносторонен, энергичен».

И как итог проведенных в Ереване дней: «В Москву мы возвращались окрепшими, наполненные новыми впечатлениями»¹³.

Думается, что «армянскими» контактами и впечатлениями замечательного русского литературоведа и критика Раисы Орловой – и той поры, когда она писала о Сарояне, и впоследствии – уместно было дополнить этот наш «комментарий» к публикации на страницах именно ереванского журнала статьи, обнаруженной М.Гудковым в архивных фондах РГАЛИ. При всей ее давности, при всем, что есть в ней от обстоятельств времени, она и сегодня интересна, и сегодня жива.

Ключевые слова: *литературная критика, У.Сароян, Р.Орлова, издания, предисловие, послесловие, армянский мотив*

¹² Один из самых известных правозащитников, основатель и первый председатель Московской Хельсинкской группы, физик-ядерщик (доктор наук) Юрий Орлов в своей книге «Опасные мысли. Мемуары из русской жизни» (М., «Аргументы и факты», 1992) рассказывает о том, какое участие в нем принял А.И.Алиханян, когда понадобилось «переждать», «смыться»: пригласил в свой ереванский институт, над созданием в котором ускорителя «неблагонадежный» Ю.Орлов работал с 1956 года, оставаясь сотрудником института до 1972-го, был даже избран (по рекомендации и при поддержке А.И.Алиханяна) чл.-корреспондентом АН Армянской ССР. Уже после возвращения в Москву, в 1976-ом, «за антисоветскую агитацию и пропаганду» был арестован и осужден, в 1986-ом выслан из СССР и лишен советского гражданства, с этого времени профессор Корнеллского университета (США).

¹³ Полностью см. в указ. кн., с.226-230.

ՆԱՏԱԼՅԱ ԳՈՆՉԱՐ – Ռ. Չ. Օռլովայի «Մարոյանի դրամատուրգիան» հոդվածի հրատարակման առիթով. – Ներկայումս Վիլյամ Մարոյանի շատ ստեղծագործություններ թարգմանված են ռուսերեն, ներկայացված են տասնյակ հրատարակություններով, բազմիցս լուսաբանված են գրականագետների, քննադատների կողմից: Հոդվածի հեղինակը ուշադրություն է հրավիրում Մարոյանին ռուս ընթերցողին ծանոթացնելու առաջին փուլին և մասնավորապես ցույց է տալիս, թե առավել քան կես դար առաջ ինչ նշանակալի դեր են խաղացել այդ գործում գրականագետ, քննադատ, ամերիկյան գրականության հեղինակավոր մասնագետ Ռաիսա Օռլովայի նախանձախնդրությունն ու հոդվածները: Առանձնակի կարևորվում են նաև Ռ. Օռլովայի անձնական կապերը Հայաստանի և հայերի հետ:

Բանալի բառեր – *գրաքննադատություն, Վ. Մարոյան, Ռ. Օռլովա, հրատարակություն, նախաբան, վերջաբան, հայկական թեմա*

NATALYA GONCHAR – After the Publication of R.Orlova's Article «Dramaturgy of Saroyan». – Many works of William Saroyan are translated into Russian nowadays, presented in numerous editions, interpreted by many literary critics. This paper deals with the peculiarity of the first-stage acquaintance with Saroyan in Russian. The author throws light on the very important role of Raisa Orlova – an authority in the knowledge of American literature – in that long-standing process. The attention is given as well to some R.Orlova's personal contacts with Armenia and armenians.

Key words: *W.Saroyan, R.Orlova, editions, introduction, afterword, armenian motive*